

Библиотека
социалистической
мысли

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

О социализме
и русской
революции

Университет
Торонто
Библиотека

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

О социализме
и русской
революции

Избранные статьи,
речи,
письма

Москва
Издательство
политической
литературы
1991.

Дом Плеханова
№ 91-3268 /

Составитель и автор предисловия
Я. С. ДРАБКИН

Перевод с немецкого
Г. Я. РУДОГО

Люксембург Р.

Л49 О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. — М.: Политиздат, 1991. — 399 с.: 1 л. портр. — (Б-ка социалистической мысли).

ISBN 5—250—00983—2

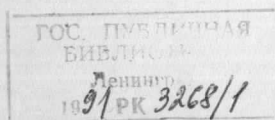
В книгу вошли произведения Розы Люксембург, отражающие ее своеобразные взгляды на социализм, соотношение демократии и диктатуры, развитие марксизма, борьбу за гуманизм, против милитаризма. Впервые на русском языке публикуется в полном объеме собранный воедино цикл работ Р. Люксембург о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. в России («Русские проблемы», «Русская трагедия», «Рукопись о русской революции») и Ноябрьской революции 1918 г. в Германии («Чего хочет Союз Спартака», «Наша программа и политическая ситуация»), а также письма 1917—1918 гг., значительно обогащающие наши представления о ее политических воззрениях, ее понимании демократии, отношении к русской революции.

Л 0301050000—026 47—90
079(02)—91

ББК 66.61 (4Г)

ISBN 5—250—00983—2

© Составление, предисловие
и примечания Я. С. Драбкин
Перевод Г. Я. Рудой

ЧЕЛОВЕК, МЫСЛИТЕЛЬ,
РЕВОЛЮЦИОНЕР

Талант Розы Люксембург — редкостно цельный и вместе с тем многогранный. Беззаветно смелая революционерка была вдумчивым, творческим мыслителем. История, политическая экономия, стратегия и тактика пролетарской борьбы оживали под пером тонкого аналитика и страстного полемиста. Она достигала кристальной ясности при освещении сложных теоретических вопросов, чеканно формулировала программные документы, вдохновенно сочиняла революционные воззвания, сражая идейных противников точной аргументацией, изящной иронией, а иногда и гневным сарказмом. У этой маленького роста женщины с большой головой, выразительным профилем и черными задумчивыми глазами был звонкий мелодичный голос, который достигал самых отдаленных углов огромных переполненных залов. Она обладала поразительным даром убеждения: ее образная и всегда предельно искренняя речь проникала в умы и сердца простых рабочих и рабочих.

Роза Люксембург глубоко верила в историческое творчество народных масс. Она видела в них не пассивных исполнителей чужой воли, а инициативных борцов за свободу и справедливость. Стремления и мечты людей, их отношения и жизненная позиция не только всегда интересовали, но и вдохновляли ее. «Быть человеком — самое главное, — писала она из тюрьмы подруге. — А это значит: быть твердым, ясным и *веселым*, да, веселым, несмотря ни на что, вопреки всему, ибо скулить — удел слабых. Быть человеком — значит радостно бросить, если нужно, всю свою жизнь «на великие веса судьбы», значит в то же время и радоваться каждому светлому дню, каждому красивому облаку...» (с. 285) *.

Проведя в тюрьмах Германии и Польши свыше четырех лет, Р. Люксембург говорила, что надеется умереть на посту: в уличном бою или на каторге. Почти так и случилось. Контрреволюционеры убили ее ночью 15 января 1919 г. на улице Берлина и трусливо сбросили труп в воды канала. Потрясенная этим известием, хорошо знавшая ее Александра Коллонтай воскликнула в ужасе и гневе: «Разбрызгать драгоценный мозг Розы Люксембург по мосто-

* Здесь и далее в скобках указаны страницы настоящего тома.

вой! Оборвать нить созидательного творчества на полуслове, остановить работу остроаналитического ума... Какой кошмар! Какое преступление! Преступление не только перед пролетариатом — с ним не считаются вдохновители этого злодеяния, — но и перед рычагом истории — перед наукой»¹.

Не только жизнь Р. Люксембург была драматичной, но и судьба ее литературно-политического наследия. Ей довелось держать в руках лишь несколько своих книг и брошюр. В 1898 г. была издана в Германии ее докторская диссертация «Промышленное развитие Польши»². Год спустя имела шумный успех брошюра «Социальная реформа или революция?»³. Опыту первой русской революции была посвящена адресованная немецким рабочим брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы». Для польских рабочих под псевдонимом «Юзеф Хмура» она написала популярную брошюру «Церковь и социализм»⁴. В 1913 г. было опубликовано большое исследование «Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма», вызвавшее разнообразную критику. В 1916 г. нелегально вышла брошюра «Кризис социал-демократии», известная как «брошюра Юниуса». Многочисленные статьи были рассеяны в различных немецких и польских журналах и газетах.

После гибели Розы Клара Цеткин выпустила вторым изданием брошюру «Кризис социал-демократии» со своим предисловием. Вскоре вышли «Письма из тюрьмы», затем написанная в тюрьме книга «Накопление капитала, или Что сделали эпигоны из марксовой теории. Антикритика», потом — письма Луизе и Карлу Каутским⁵, неизданные лекции «Введение в политическую экономию». Компартией Германии была создана комиссия, в которую вошли К. Цеткин, А. Варский, Ю. Мархлевский. Ей было поручено, чтобы «все литературное наследие Розы Люксембург было издано быстро и добросовестно, стало достоянием международного пролетариата»⁶. Но издатели столкнулись с немалыми трудностями.

В 1922 г. Пауль Леви, исключенный из КППГ, опубликовал написанную Р. Люксембург в тюрьме «Рукопись о русской революции», сопроводив ее пространным антикоммунистическим комментарием⁷. К. Цеткин, Варский и Мейер тотчас заявили, что рукопись вовсе не была «политическим завещанием» Розы, тем более что она многое из написанного вскоре практически исправила в ходе германской революции⁸.

В. И. Ленин в «Заметках публициста» обратил внимание на то, что Леви издал как раз ту работу Люксембург, в которой имелись ошибки. Однако, несмотря на них, подчеркнул Ленин, Роза Люксембург «была и остается орлом». Назвав ее великой коммунисткой, он высказал убеждение, что «ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира»⁹. Этот завет Ленина не был, однако, выполнен.

Парадоксально, но факт: в посмертном умалении и искажении вклада Розы Люксембург в теоретическую разработку марксизма,

в обобщение революционного опыта XX в. повинны не столько ее идейные противники, сколько некоторые соратники. Если при жизни враги именовали ее «кровавой Розой», обвиняли в намерении перенести в Германию «русские методы» и травили как «агента большевизма», то позднее бывшие «друзья» из всех сил старались *противопоставить* ее Ленину и большевикам.

В обстановке острых идеологических и политических споров, развернувшихся в РКП(б), КППГ и Коминтерне после кончины Ленина, появились желавшие воспользоваться ее именем для прикрытия собственных позиций. Так, А. Тальгеймер необоснованно приписал Розе Люксембург некую «теорию автоматического краха капитализма». В полемике о «перманентной революции» К. Радек заявил, что создали ее Роза Люксембург и Троцкий. Сталин тогда публично поправил Радека, назвав авторами «теории» не Люксембург, а Троцкого и Парвуса¹⁰.

Когда в 1925 г. V конгресс Коминтерна выдвинул задачу изучения опыта ленинизма, на V расширенный пленум ИККИ были вынесены подготовленные Зиновьевым тезисы «Большевизация партий Коммунистического Интернационала». В них едва ли не все теоретические ошибки в европейских партиях — как «левые», так и социал-демократические — были «обобщены» под зловещей рубрикой «ошибки люксембургизма». Тезис горячо поддержали исключенные потом из КППГ лидер «ультралевых» Рут Фишер и Гейнц Нойман. Только Клара Цеткин, заявившая, что вовсе не намерена «утаивать или затушевывать идеологические и организационные недостатки Союза Спартака», протестовала против опасной тенденции третировать старых спартаковцев¹¹.

«Люксембургизм» было представлено в тезисах ИККИ средоточием ошибок по вопросам о соотношении стихийности и сознательности, об организации и массах, о подготовке вооруженного восстания, о роли профсоюзов, по крестьянскому и национальному вопросам. Но еще более роковым, чем преувеличение или приписывание Р. Люксембург тех или иных ошибок, оказался обобщающий тезис, что, «чем ближе к ленинизму» стоят такие деятели, как Роза Люксембург, «тем опаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом»¹². Едва ли сочинители этой чудовищной иезуитской формулы предвидели, что с ее помощью будут отлучены от ленинизма один за другим и они сами, пока в конце концов монополия на толкование взглядов Ленина не достанется Сталину.

В 1931 г. Сталин опубликовал письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором автор дискуссионной статьи А. Г. Слуцкий был назван «троцкистским контрабандистом», а все германские левые социал-демократы, особенно Роза Люксембург, ошельмованы. Так, ей были приписаны «полуменьшевистская теория империализма» и сочинение вместе с Парвусом «схемы перманентной революции», которые были-де затем «подхвачены Троцким»¹³. Сталин «забыл», что семь лет назад сам писал иное, но никто не рискнул ему об этом напомнить.

Если еще в 1930 г. мог быть опубликован по-русски первый том избранных сочинений Розы Люксембург «Против реформизма» (перевод III тома немецкого издания)¹⁴, то письмо Сталина вовсе прекратило публикацию в СССР ее работ. Когда же редактор-составитель Пауль Фрелих был исключен из КПГ, перестало выходить и немецкое издание.

Только после XX съезда КПСС советские, немецкие и польские историки взялись за восстановление истинного облика Розы Люксембург. Однако их опередили буржуазные авторы. В 60-е годы на Западе стали переиздавать многие ее работы, вышли подробные биографии¹⁵. Ее изображали представителем некоего особого «западноевропейского» или «демократического» марксизма, противостоящего ленинизму. Эта идеологическая установка служила и для приглушения «люксембургинской эйфории», как именовали бурно возросший в то время интерес западной молодежи к революционному марксизму и его носителям. Вместе с тем на Западе появились издания и фильмы, способствовавшие восстановлению более или менее достоверного облика великой революционерки¹⁶.

В 70-е и 80-е годы ученые ГДР А. Лашица и Г. Радчун осуществили научную публикацию большей части литературного наследия Р. Люксембург, прежде всего связанного с ее деятельностью в рядах германского и международного рабочего движения. Вышли шесть томов ее трудов и пять томов писем, научная биография¹⁷. Аргументированно опровергая ложные интерпретации, эти ученые показали, что Роза Люксембург внесла существенный вклад в развитие революционной стратегии и тактики борьбы за мир, демократию и социализм, что она «всегда была последовательной марксисткой, несгибаемой пролетарской интернационалисткой, честной и боевой соратницей Ленина и большевиков». Несмотря на времена острую полемику, между ними преобладало согласие, возраставшее с годами, по всем принципиальным вопросам¹⁸. Свой вклад в издание и истолкование наследия Розы Люксембург внесли и польские ученые¹⁹.

В Советском Союзе работы Р. Люксембург давно стали библиографической редкостью. В 1959 г. вышла одна только брошюра «Социальная реформа или революция?», в 1961 г. — сборник ее высказываний о литературе, подготовленный М. М. Коралловым, в 1974 г. — биографический очерк, написанный Р. Я. Евзеровым и И. С. Яжборовской²⁰. Было защищено несколько диссертаций. Отдельные письма Розы, статьи о ней рассеяны в журналах и сборниках²¹.

Настоящий том содержит произведения и некоторые письма Розы Люксембург, отобранные прежде всего в соответствии с его заглавием. В него не вошли крупные экономические работы, включена лишь одна из написанных ею брошюр. Большинство из помещенных статей публиковалось в немецкой печати, одна — в польской.

Материал сгруппирован в шесть тематических разделов, внутри которых соблюдается хронологическая последовательность на-

писания или публикации. В конце каждого помещены выдержки из писем Розы, так или иначе связанные с его содержанием.

Основу первого раздела «Марксизм и ревизионизм» составляет брошюра «Социальная реформа или революция?», изданная в Лейпциге в 1899 г. Она была, пожалуй, самым ярким выражением бурного идейного спора, разгоревшегося на рубеже веков в среде последователей и учеников Маркса в связи с выступлением одного из них — Эдуарда Бернштейна — с ревизией марксистского учения. Отзвуки этого спора не угасли и даже оживились в наши дни, в пору критического переосмысления прошлого, принимаемого ради более глубокого понимания настоящего и будущего. Сегодняшний читатель брошюры Розы Люксембург должен прежде всего вникнуть в обстоятельства ее написания, в атмосферу того времени. Только сделав это, можно с достаточной основательностью анализировать позиции спорящих сторон, глядя на них с достигнутых высот современного познания.

Брошюра Люксембург была составлена из двух серий ее статей, опубликованных в газете «Leipziger Volkszeitung». Первая появилась 21—28 сентября 1898 г. и была посвящена критическому разбору статей Э. Бернштейна в теоретическом журнале СДПГ, издававшемся К. Каутским, «Neue Zeit», вышедших в 1896—1897 гг. под общим заголовком «Проблемы социализма»²². Бернштейн был видным публицистом, редактором зарубежного партийного органа «Sozialdemokrat». Даже после отмены в 1891 г. исключительного закона против социалистов он был лишен возможности вернуться на родину и, поселившись в Англии, стал близким сотрудником, а потом душеприказчиком Энгельса. Его выступление с ревизией многих положений марксизма было неожиданным.

В октябре 1898 г. на съезде СДПГ в Штутгарте ревизионизм был осужден в выступлениях А. Бебеля, В. Либкнехта, К. Цеткин, К. Каутского и др. Роза Люксембург сосредоточила внимание на формуле Бернштейна: «Конечная цель, какой бы она ни была, для меня ничто, движение для меня все!» По ее убеждению, для революционной пролетарской партии вопрос о конечной цели имел решающее значение.

Однако А. Бебель, прочитав письмо Бернштейна из Лондона и выразив несогласие с ним по многим пунктам, предложил продолжить теоретические споры в печати. Каутский, признав своей ошибкой, что публиковал статьи Бернштейна без комментариев, и высказав ряд возражений, закончил словами: «Нет, Бернштейн нас не обескуражил, он лишь побудил нас к размышлениям, и за это мы должны быть ему благодарны...»²³ Лишь годы спустя стали известны личные письма Каутского Бернштейну от 8 и 23 октября 1898 г.: «...я взял на съезде слово, чтобы спасти тебя. Если бы Бебелю самому пришлось отвечать, можешь себе представить, каков был бы этот ответ при его темпераменте и безоглядности... А так, хотя большинство с тобой и не согласно, удалось использовать раздражение делегатов непривычной рез-

костью Парвуса, Розы и Клары... Я и статью в «Vorwärts» написал, чтобы снова не выступили Люксембург и другие...»²⁴

Прочитав речь Каутского на съезде, Г. В. Плеханов ответил ему открытым письмом «За что нам его благодарить?». «Разве мог Бернштейн, — говорилось в нем, — побудить кого-нибудь к серьезному размышлению? Ведь он не привел новых фактов, не дал новых объяснений. А что может выиграть марксизм от эклектической амальгамации с учениями буржуазных экономистов? Неужели трудно понять, что речь теперь идет о том, кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией?»²⁵

Роза Люксембург опубликовала это письмо Плеханова в «Sächsische Arbeiter-Zeitung». Когда же Бернштейн в начале 1899 г. выпустил в партийном издательстве книгу «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»²⁶, в которой расширил и заострил свою критику марксизма и политики партии, Р. Люксембург ответила новой серией из пяти статей, опубликованных в «Leipziger Volkszeitung» 4—8 апреля 1899 г. Они имели большой успех, и уже две недели спустя газета выпустила брошюру «Социальная реформа или революция?». Объясняя ее заглавие, Роза подчеркнула, что *противопоставление* социальных реформ революции чуждо социал-демократии, а Бернштейн выдвинул его с единственной целью совлечь партию с революционного пути. Важны ее наблюдения о соотношении демократии и социализма, ее предвидение, что рост милитаризма ведет к неизбежности мировой войны.

С другой стороны, современный читатель увидит и явное полемическое преувеличение в утверждении, что анархия производства «толкает капитализм в безвыходный тупик». Возможно, вызовут раздумья и другие предметы спора — о приспособляемости капитализма, о введении социализма путем социальных реформ, о роли демократии. Почти столетие, минувшее со времени дискуссии, по-иному расставило не только акценты. Ныне требуется более глубокое переосмысление самих понятий «капитализм» и «социализм», их соотношения, процессов развития человеческого общества. Опыт, накопленный к рубежу XXI в., бросает новый свет на события прошлого. Но тем важнее при этом придерживаться принципа историзма, помнить, что современная мировая ситуация является результатом двух мировых войн, длинной цепи революций, крушения фашизма и других тоталитарных систем, небывалых возможностей научно-технического прогресса, осознания реальной угрозы гибели человечества и на этой основе понимания ограниченности классового подхода по сравнению с борьбой за выживание, за сохранение и умножение гуманитарных ценностей.

Разве был бы нынешний мир таким, если бы революционные пролетарии в начале XX в. пошли бы за ревизионистами, отказались вообще от классовой борьбы и противодействия империализму, развязанным им войнам, социальному и национальному

угнетению? Революция, разумеется, не панацея, но только самоотверженная упорная борьба масс — и в странах, пытавшихся прорваться на путь социалистического созидания, и в странах развитого капитализма, и в странах развивающихся — обусловила как приспособляемость капиталистического строя и его возросшую склонность к проведению социальных реформ, так и завоевание невиданных в XIX в. возможностей для расширения реальной демократии масс. В таком контексте нетрудно понять, что социальному прогрессу способствовал не оппортунист Бернштейн, а революционные бойцы — соратники Розы Люксембург.

Надо иметь в виду и расстановку сил в международной социал-демократии, в Социалистическом интернационале в конце XIX в. К. Каутский в книге «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» обстоятельно проанализировал и доказал научную несостоятельность всей методики расчетов Бернштейна, необоснованность главных его выводов²⁷. Впрочем, дело не сводилось к ошибкам или личным просчетам Бернштейна. Атаки на марксизм шли с разных сторон: во Франции произошел «казус Мильерана», баварские социал-демократы пошли на избирательные соглашения. Роза верно поняла, что Бернштейн вовсе не одиночка, а «теоретический толмач *целого направления*».

На съезде СДПГ в Ганновере в октябре 1899 г., разъясняя свою точку зрения, Роза сказала: «Нам вовсе не нужно видеть в революции вилы и кровопролитие. Революция может произойти и в культурных формах, и если какая-нибудь из них имеет на то шансы, то именно пролетарская; ибо мы последние среди тех, кто хватается за насильственные средства, кто мог бы желать жестокой революции. Но такие меры зависят не от нас, а от наших противников (возгласы: «Очень верно!»), и вопрос о форме, в какой мы придем к власти, следует полностью исключить из рассуждений, ибо такие вопросы и обстоятельства мы не можем сейчас предсказать. Для нас важна лишь суть дела, а она состоит в том, что мы стремимся к полному переустройству господствующего капиталистического экономического строя, которое может быть осуществлено только посредством взятия государственной власти, а не путем социальной реформы в лоне современного общества»²⁸.

На последующих съездах германской социал-демократии в Любеке (1901 г.) и Дрездене (1903 г.) ревизионисты, в том числе вернувшийся в Германию и открыто порвавший с марксистской теорией Э. Бернштейн, подвергли Розу Люксембург и Франца Меринга самым резким и необоснованным нападкам. С тревогой следившая за таким развитием событий ленинская «Искра» заметила: «Рано или поздно перед революционно-пролетарскими элементами партии станет задача — разорвать с оппортунизмом. Только такой открытый разрыв радикально излечит великую германскую социал-демократию от заразившей ее болезни»²⁹. Однако совет не был реализован.

Помещенная в конце раздела подборка включает выдержки из личных писем, адресованных в 1898—1899 гг. Розой Люксембург ее мужу Лео Йогихесу, остававшемуся в то время в Швейцарии, но активно участвовавшему в ее полемике с ревизионистами. В письмах раскрывается характер Розы, ее убежденность в правильности марксова учения. Картина внутренних отношений в «верхах» германской социал-демократической партии, представшая перед молодой польской революционеркой, не вдохновляла. Но она с поразительной быстротой сумела включиться в совершенно новую для нее деятельность. В мае она приехала в Германию, а в сентябре — октябре она уже — автор серии блестящих статей, ответственный редактор газеты в Дрездене и делегат партийного съезда СДПГ в Штутгарте! Надо ли удивляться, что некоторые ее оценки и характеристики действующих лиц поверхностны и субъективны. Зато другие поражают глубиной и точностью.

Два письма к Августу Бебелю, которые разделяют четыре года, показывают, сколь непросто складывалась судьба Розы: не только те, с кем она безоглядно сражалась, видели в ней «чужую». Впрочем, конфликт ее с Мерингом остался лишь неприятным эпизодом в их многолетнем боевом содружестве.

Второй раздел *«Революция 1905—1907 гг. в России и Польше»* содержит статьи, речи и письма Розы Люксембург, относящиеся к событиям этих лет. Она была их активной участницей, находясь в Берлине, Варшаве, Петербурге, Куоккале, Мангейме, Лондоне, и тем важнее ее исторические свидетельства.

Отношения между польскими и российскими социал-демократами с самого начала складывались нелегко. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), возникшая в 1899 г. на основе объединения СДКП с литовскими социал-демократами, была идейно близка к ленинской «Искре». В мае 1901 г. Роза впервые лично встретилась с Лениным в Мюнхене. Но принципиальное отрицание Розой и ее товарищами права наций на самоопределение привело к тому, что на II съезде РСДРП в 1903 г. СДКПиЛ не вошла в ее состав. Раскол между большевиками и меньшевиками поначалу побудил Р. Люксембург принять сторону последних. Об этом свидетельствовала заостренная против Ленина ее статья «Организационные вопросы русской социал-демократии» в журнале «Neue Zeit», а затем в меньшевистской «Искре»³⁰. Тем важнее, что вскоре начавшийся в России и Польше революционный подъем показал польским социал-демократам, что им по пути не с меньшевиками, а с ленинцами.

Р. Люксембург неудержимо тянуло в Польшу, и в конце 1905 г. ей удалось с чужим паспортом отправиться в Варшаву «на работу». Она писала здесь статьи и брошюры, выступила на партийной конференции СДКПиЛ, но вскоре была выслежена и арестована царской охранкой. Заточенной в пресловутый десятый павильон Варшавской цитадели, ей грозили военный суд и каторга. Русские, немецкие и польские товарищи с трудом выручили Розу,

внеся крупный залог. Но вместо необходимого лечения отважная революционерка отправилась в Петербург и Куоккалу, встречалась с Дзержинским и Лениным.

По мере развития событий русской революции Роза Люксембург углубляла свой анализ. Лучше всех в Германии разбираясь в российских и польских делах, она на страницах «Vorwärts» и «Neue Zeit» давала наиболее достоверную информацию, разъясняя, что, хотя революция началась стихийным взрывом негодования, она вовсе не случайность, а закономерный плод многолетнего развития народного освободительного движения и особенно деятельности социал-демократии. Все больше писала Роза и для польских изданий.

Глубже и раньше других на Западе Р. Люксембург поняла, что российская революция — не обычная буржуазная революция. Совершаемая не буржуазией, а рабочим классом, она отличается от прежних и по содержанию и по методам борьбы, являясь переходной формой от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего.

Позиция Розы Люксембург становилась все более критической по отношению к меньшевикам, приближаясь к основным установкам Ленина и большевиков. Однако были между ними и расхождения. Придавая первостепенное значение вовлечению в революцию самых широких масс трудящихся города, деревни и солдат, остро полемизируя по вопросам деятельности террористических групп и «комитетов», приобретения оружия и т. п., она проявила склонность к недооценке роли революционной организации. Не было в ее взглядах полной ясности и относительно места крестьянства в революции, сказывался национальный нигилизм.

Однако несравненно важнее было то, что в анализе роли массовой политической стачки, демонстрации и вооруженного восстания Роза стремилась использовать опыт российской революции для активизации политической борьбы рабочего класса Европы, прежде всего Германии. Наиболее основательно это было сделано ею в брошюре «Массовая стачка, партия и профсоюзы», написанной во время краткого пребывания в Финляндии по заказу гамбургской социал-демократической организации. Ленин, прочитав брошюру, подчеркнул и отчеркнул в своем экземпляре важнейшие положения. Хотя и не со всем согласившись, он счел ее лучшим изложением событий с учетом западных условий борьбы³¹.

Вернувшись в Германию, Роза Люксембург неумоимо пропагандировала российский революционный опыт. На Лондонском съезде РСДРП, представляя и СДПГ и СДКПиЛ, она вступила в жаркую полемику с Плехановым, меньшевиками и бундовцами. Те не остались в долгу: одни приписали ей проповедь революции в России, совершаемой будто бы исключительно пролетариатом, другие пытались помешать ее сближению с Лениным. Но это не удалось.

В третий раздел *«Политическая борьба: теория и практика»* вошло несколько статей, относящихся к двум периодам, разде-

ленным десятилетием. Первый последовал за борьбой против ревизионизма и был ее непосредственным продолжением. Обращаясь в это время к трудам основоположников, Р. Люксембург, как и Ф. Меринг, видела главную задачу в том, чтобы донести важнейшие идеи марксизма до массы членов социал-демократии, имевших о них лишь смутное представление и тем легче попадавших на удочку «простых идей», распространявшихся ревизионистами и реформистскими лидерами профсоюзов. Главный упор в то время был сделан на революционность учения классиков, на необходимость для пролетарской партии, отнюдь не забывая о повседневных нуждах трудящихся и тактике текущей борьбы, готовить массы к решающей схватке с буржуазией с целью открыть социалистическую перспективу. Революционная теория должна при этом развиваться и совершенствоваться.

Второй период — это время, когда русская революция 1905—1907 гг., рост массового стачечного движения на Западе, первые сполохи надвигающейся мировой войны создали и в Германии предреволюционное напряжение. Снова обращаясь к Марксу, напоминая, что он поставил социалистический идеал на научную почву, обосновал его историческую необходимость, Р. Люксембург подчеркивала теперь и то, что та «капиталистическая зрелость, которую Маркс в 60-е годы изучал и описал на основе английских условий, оказалась беспомощным, лепечущим детством в сравнении с нынешним, охватывающим весь мир господством капитала и с отчаянной дерзостью его теперешней империалистической заключительной фазы» (с. 216).

Одной из статей, написанных к 20-летию со дня смерти Маркса, Роза дала примечательное название — «Застой и прогресс в марксизме». Анализируя в ней причины теоретического застоя в самой влиятельной партии II Интернационала, она указала на низкий уровень духовной культуры рабочего класса и на то, что не ведется дальнейшая разработка экономического учения марксизма. Творение Маркса, считала она, всегда было гораздо шире рамок узко понятой «пролетарской классовой борьбы», далеко превосходило ее прямые запросы, хотя и создавалось именно ради нее. Когда рабочее движение «вступает в более продвинутую стадию и выдвигает новые практические вопросы», социал-демократия вновь обращается к марксовской сокровищнице мыслей, однако лишь для того, чтобы «извлечь из нее отдельные куски его учения и использовать их». Слишком долго партия довольствуется старыми руководящими идеями, хотя они уже потеряли свою пригодность, вместо того чтобы теоретически использовать марксовы импульсы. Дело вовсе не в том, что-де марксова теория устарела, изжила себя. Нет, арсенал ее далеко не исчерпан, и не социал-демократы обогнали Маркса, а, наоборот, он далеко обогнал их: «наши потребности еще недостаточны для применения марксовых идей» (с. 211—212).

В новых условиях Р. Люксембург считала самой настоятельной задачей партии максимальную активизацию широких пролетар-

ских масс, вовлечение их в политическую борьбу, обучение революционным методам в ходе самого революционного действия. Особую остроту приобрела ее полемика с К. Каутским, ибо она считала его поведение особенно опасным, поскольку он, изображая себя теоретиком «марксистского центра», звал массы не к революционной активности, а, напротив, воздвигал на пути к ней все новые препятствия, проповедовал тактику «измора», «изнурения», «приглушения», «только-парламентаризма». Когда с целью пробуждения масс Роза Люксембург рискнула выдвинуть лозунг, десятилетиями считавшийся в партии «табу», — лозунг демократической республики, ее не решился поддержать даже Меринг.

Письма Розы 1909—1910 гг. Кларе Цеткин иллюстрируют ее представления о ситуации в германской социал-демократии. К суровому испытанию мировой войной марксистские левые подошли как маленькая горстка революционных бойцов с ограниченной возможностью общения с той широкой массой трудящихся, которую хотели мобилизовать на решительные действия.

Четвертый раздел «Против милитаризма, за гуманизм» составили статьи и письма, осуждавшие гонку вооружений и подготовку к мировой войне. Еще в 1900 г. на Международном конгрессе Социалистического интернационала в Париже Р. Люксембург предостерегала от опасности той «мировой политики», которую вскоре стали называть политикой империализма, призывала пролетариев соединиться прежде всего для борьбы против милитаристской, всемирно-политической реакции. Семь лет спустя на Штутгартском конгрессе Интернационала Роза вместе с Лениным энергично проводила мысль, что, если империалистами все-таки будет развязана мировая война, ее необходимо использовать для ускорения революционного свержения классового господства. В. И. Ленин считал особенно ценным, что в принятой конгрессом резолюции «строгость ортодоксального, т. е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы»³².

Как и другие немецкие революционеры, Р. Люксембург органично сочетала борьбу против империализма с выступлениями в защиту культуры и гуманистических ценностей, ярким образом чего могут служить материалы, вошедшие в данный раздел. В двух своих статьях о творчестве Льва Толстого, а также в выдержках из личных писем Роза предстает не только как глубокий ценитель художественного мастерства писателя, но и как тонкий аналитик его социальных воззрений. Ее не устраивал традиционный для марксистской ортодоксии (Плеханов, Каутский, отчасти и Меринг) подход, когда «великому художнику» резко противопоставляли «реакционного социального мыслителя». Она не умаляла ни утопичности проповеди Толстого о «непротивлении злу», ни ориентации на крестьянина, а не на рабочего, ни враждебности по отношению к революции и марксизму. Вместе с тем она видела его могучую силу в критике сущего, в близости его к идеям великих социалистов-утопистов, в его революционном радикализме в от-

ношении искусства, в неустанном поиске истины. Ей представлялось, что Толстой-художник и Толстой-моралист вовсе не антиподы, а в основе его гениальности лежит цельное мировоззрение «самого истинного социализма».

Представления Р. Люксембург о русской литературе XIX—начала XX в., ее роли в общественной жизни страны, присущей ей высокой социальной ответственности нашли самое яркое выражение в обширной вводной статье к переведенной ею в тюрьме на немецкий язык книге В. Г. Короленко «История моего современника». Здесь глубокое почтение к плеяде выдающихся талантов сливалось с острыми суждениями аналитика, и в мир искусства то и дело вторгался политический полемист. Роза проследживает развитие социальной ноты в творчестве художника с некоторой грустью, хотя для нее самой политическая борьба и ее вершина — революция были той великой правдой, ради которой только и стоило жить. Сопоставляя Толстого и Короленко, Короленко и Горького, она высказала немало интереснейших соображений о роли мировоззрения в художественном творчестве, а также о роли насилия в истории.

Пятый раздел объединяет работы, тема которых — «Февраль и Октябрь 1917 г. в России». Все они написаны в тюрьме, и на них лежит печать недостаточной информированности. Но поражают они тем, что в них проявилось уникальное для зарубежного современника проникновение в суть событий, понимание их сложности и одновременно осознание их героизма и величия.

Серия статей, опубликованных в нелегальных или полуполигальных немецких изданиях, проникнута прежде всего тревогой за судьбы русской революции, которая, разразившись в условиях мировой войны, развивалась в исключительно трудной международной и внутренней обстановке. Проблема мира, выхода из войны была не просто сложной, но грозила, по мнению Розы, обернуться трагедией для русской революции. Под этим углом зрения она рассматривала и Брестский мир, навязанный Советской России германским милитаризмом.

В статье «Русская трагедия» она высказала разделявшуюся и другими революционерами мысль, что осуществление социалистической революции в одной стране — нечто вроде попытки «решить квадратуру круга». Из этой посылки она (как и Карл Либкнехт) сделала единственно верное, принципиально важное практическое заключение: долг европейского пролетариата — помочь русской революции. «Есть один лишь выход, — писала она, — из трагедии, в которую вовлечена Россия, это — восстание в тылу германского империализма, подъем германских масс как сигнал к революционному окончанию бойни народов»³³.

Именно этот итоговый вывод сочли особенно ценным редакторы «Spartakusbrieft», которые, однако, не согласились с критическими замечаниями Розы и оговорили в примечании к ее статье, что трудности в России вытекают из объективного положения большевиков, а не из их субъективных действий³⁴. Один из редак-

торов, Пауль Леви, отправился к Розе в тюрьму, чтобы убедить ее отказаться от дальнейшей публичной критики. Она согласилась, но вскоре изложила свои раздумья в неоконченной рукописи, не предназначавшейся ею для печати. Так родилась «Рукопись о русской революции», вызвавшая впоследствии много споров.

В ней Роза поставила перед собой две задачи: опровергнуть ложные утверждения Каутского и меньшевиков, будто в России вообще невозможна социалистическая революция; дать критический разбор действий русских большевиков. Она считала себя не только вправе, но и обязанной сделать это. Высоко оценивая заслуги большевиков, она была убеждена, что «только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища и опыта и уроков».

На «Рукописи о русской революции» лежит печать фрагментарности и незавершенности: то был лишь первый набросок, содержащий и конспективные заметки; текст остался стилистически неотточенным. В работе нашли выражение те рассуждения о Брестском мире и опасения насчет того, что революция может быть задумана империализмом, которые были высказаны в опубликованных статьях. В ней проявились и давние разногласия между Р. Люксембург и Лениным по крестьянскому и национальному вопросам. Они были дополнены мнением Розы, что раздел земли между крестьянами был экономической ошибкой. Ее отрицательное отношение к лозунгу о праве наций на самоопределение даже усилилось, хотя мировая война показала, сколь сильны националистические настроения в рабочем классе. Вместе с тем нельзя отбросить ее предостережение: национализм используется реакцией для подрыва борьбы рабочих за социальное освобождение.

Самыми актуальными и животрепещущими выглядят рассуждения Р. Люксембург о соотношении демократии и диктатуры, насилия и свободы. Она не была противником революционного насилия вообще. Но ее серьезно беспокоило (и мы теперь ясно видим, что для того были реальные основания), как бы не угасли революционная активность и самостоятельность масс, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к падению морали самих революционеров, как бы диктатура пролетариата не выродилась в диктатуру вождей и даже буржуазную диктатуру. Провидчески звучат ее слова о том, что «свобода всегда есть свобода для инакомыслящих», что от этой ее сути зависит все живительное, целительное и очищающее действие демократии. Надо только иметь в виду, что «инакомыслящими» Роза называла не врагов революции, а многомиллионные народные массы, тогда политически непродвинувшиеся и потому едва ли способные в полном объеме воспринять социалистическую программу партии большевиков.

В рукописи ошибки большевиков неоднократно объясняются труднейшими условиями. Но моральная высота и принципиальность подхода Розы проявилась в убеждении, что ошибка не пере-

стает быть ошибкой и тогда, когда целиком вынуждена обстоятельствами. «Опасность,— считала она,— начинается тогда, когда... нужду выдают за добродетель» (с. 332). И если Ленин при оценке российского опыта и его общезначимости почти всегда был осторожен и самокритичен, то этого никак нельзя сказать о его преемниках, которые, чем дальше, тем самоувереннее и настойчивее толковали о «столбовой дороге» и выше небес превозносили уникальный опыт первопроходцев.

В разделе шестом «*Ноябрьская революция 1918 г. в Германии*» собраны некоторые материалы самого напряженного и трагического периода жизни Р. Люксембург. В круговороте революции, в человеческих условиях она проявила ясность ума и твердость воли, верность принципам революции и социализма, тактическую гибкость. Почти два месяца она вела напряженнейшую работу, день за днем давая в «*Rote Fahne*» оценку хода германской революции, ее возможностей и задач, силы ее натиска и слабостей революционного авангарда, действий пришедших в движение трудящихся масс, поведения их вождей.

«За четыре года империалистической бойни кровь лилась ручьями, реками,— писала Роза.— Теперь нужно с благоговением хранить в хрустальных чашах каждую каплю этого драгоценного сока. Самая безоглядная революционная решительность и самая великодушная человечность — только в них истинное дыхание социализма. Мир должен быть перевернут, но каждая пролитая слеза, которую можно осушить,— это обвинение, а каждый человек, который, спеша по важному делу, просто по грубой невнимательности давит бедного червя, совершает преступление»³⁵. Увы, слова эти не были услышаны и восприняты.

По мере развития событий становилось все очевиднее, что кардинальным является, как и в России, вопрос: власть Советов или Национальное собрание? Выдвинутый революционерами лозунг «Вся власть Советам!» хотя и не означал сразу установления действительно революционной власти, имел целью продвижение революции вперед, ее углубление. Лозунг же созыва Национального собрания использовался всеми враждебными революции силами для прикрытия их желания затормозить, остановить нарастание событий.

Еще месяца три назад Роза Люксембург, работая над «Рукописью о русской революции», размышляла о том, нельзя ли соединить Советы с Учредительным собранием. Стремительный ход событий в Германии заставил ее пересмотреть это представление. Теперь она не сомневалась: «Тот, кто ныне хватается за Национальное собрание, сознательно или бессознательно возвращает революцию на пройденную историческую стадию буржуазных революций, он скрытый агент буржуазии или несознательный идеолог мещанства... Не о том идет сейчас речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: буржуазная демократия или социалистическая демократия. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социали-

стическом смысле. Диктатура пролетариата — это не бомбы, путчи, беспорядки, «анархия», как сознательно фальсифицируют дело агенты капиталистической прибыли, а это — использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации класса капиталистов — в соответствии с желанием и волей революционного большинства пролетариата, т. е. в духе социалистической демократии. Без сознательной воли и сознательного действия большинства пролетариата социализм невозможен! Чтобы заострить это сознание, закалить эту волю, организовать это действие, нужен классовый орган: всегерманский парламент пролетариев города и деревни»³⁶.

Едва ли не самым сложным из вопросов, которые должны были решать в огне борьбы революционеры-спартаковцы, был вопрос о создании самостоятельной пролетарской партии. Преобразовав свою группу в Союз Спартака, они сделали лишь первый шаг: Союз оставался идейно самостоятельной, но организационно не выделившейся частью Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Все старания Розы Люксембург и ее друзей повернуть партию на революционный курс терпели неудачу.

Выступая 15 декабря 1918 г. на берлинской конференции НСДПГ с содокладом, Роза энергично опровергла тезисы Гаазе и Гильфердинга, ориентировавшие партию на отказ от взятия всей власти рабочими и солдатскими Советами. Нам не нужно, говорила она, подражать русским, «но мы должны учиться у них. Большевикам пришлось сначала накапливать опыт. Мы же можем усвоить зрелый плод этого опыта»³⁷. Накануне газета «*Rote Fahne*» опубликовала написанное ею программное заявление «Чего хочет Союз Спартака?». В нем был очерчен ход германской революции и определены задачи революционеров, убежденных, что только завоеванный революционными методами социализм может принести спасение человечеству.

К концу 1918 г. стало очевидным, что дальше откладывать размежевание стало невозможно. «Буржуазия готовится к гражданской войне, она хочет ее», — предупреждала рабочих «*Rote Fahne*». Карл Либкнехт считал, что оставаться в НСДПГ — значит солидаризироваться с контрреволюцией, отделение же от нее диктуется верностью революции. На долю Союза Спартака, писала Роза, выпала трудная, но почетная роль — он должен сказать правду: «Революции не терпят половинчатости, компромиссов, нерешительности, трусости. Революциям нужны открытые забрала, ясные принципы, решительные сердца, цельные люди... История — единственный настоящий учитель, революция — лучшая школа пролетариата. Они позаботятся о том, чтобы «маленькая горстка» людей, подвергающаяся непрерывным нападкам и клевете, становилась шаг за шагом тем, чем она должна стать в силу своего мировоззрения: борющейся и побеждающей массой революционного социалистического пролетариата»³⁸.

На Учредительном съезде Коммунистической партии Германии,

собравшемся в Берлине, Роза Люксембург выступила 31 декабря 1918 г. с главным докладом «Наша программа и политическая ситуация». Она выразила радость, что революционеры «снова с Марксом», под его знаменем. Дав глубокий анализ развития событий, не смягчая недостатков и слабостей движения, Роза заметила, что «нет ничего более вредного для революции, чем иллюзии, нет ничего более полезного для нее, чем ясная, откровенная правда».

Разработанный Розой Люксембург проект программы КПП был принят съездом. Проникнутая духом интернационализма, эта программа ориентировала рабочий класс на проявление максимума собственной инициативы в борьбе за социализм. Не лишенная слабостей и недочетов, она была детищем своего времени, времени первой в истории попытки революционным штурмом сокрушить буржуазный строй, открыть перед человечеством перспективы общества без войн, угнетения и эксплуатации.

Вскоре правительству удалось спровоцировать берлинских рабочих на неподготовленное преждевременное выступление. Январские бои в столице не были «спартаковским восстанием», как утверждали противники.

14 января 1919 г., когда в столицу вступили главные силы вооруженных карателей во главе с социал-демократом Носке, «Rote Fahne» вышла с передовицей, принадлежавшей перу Р. Люксембург. В статье был дан глубокий анализ слабостей и просчетов германской революции. Ее участникам и героическим борцам Роза напоминала, что окончательная победа революции всегда готовится целой цепью поражений...

Как Ленин и другие революционеры той поры, она была глубоко убеждена, что в условиях революционного подъема, связанного с первой мировой войной, победа пролетарской, социалистической революции в Европе не только возможна, но и вероятна. Увы, жизнь не оправдала этих надежд. Все получилось гораздо сложнее: штурм не удался, а путь человечества к идеям социализма оказался непрямым, мучительным и трудным.

Предлагаемые советскому читателю избранные произведения Розы Люксембург принадлежат не только прошлому. Их искренний пафос, их общий настрой, несмотря на трагические ноты, несут в себе большой заряд исторического оптимизма. Они будят мысль, толкают на серьезные размышления, расширяют наши представления об истории социализма, показывая ее не в унылых черно-белых тонах, а во всем многоцветии, в широчайшем спектре разнообразных идей и подходов.

И сегодня, переосмысливая наше прошлое и стремясь заложить основы достойного будущего, мы вновь обращаемся ко многим мыслям «Красной Розы», с удивлением отмечая, насколько же актуальны они, как точно ложатся на ткань современности. Мы вновь и вновь убеждаемся, что литературно-политическое наследие великой коммунистки, пронизанное гуманизмом и верой в человека, — неотъемлемая часть мировой культуры.

Раздел первый

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

В. И. Ленин, 1902 г.¹

То, что для марксизма является средством, ведущим к цели, — неустанная критика, с помощью которой он исследует всякую действительность, для ревизионизма становится самоцелью. Он ревизует ради того, чтобы ревизовать, и из великого страха перед абсолютной догмой пренебрежительно отвергает всякую относительную истину.

Франц Меринг, 1903 г.²

ОГЛАВЛЕНИЕ

Человек, мыслитель, революционер
(Вступительная статья) 3

Раздел первый. Марксизм и ревизионизм 19

Социальная реформа или революция? 20
Из писем 1898—1902 гг. 76

Раздел второй. Революция 1905—1907 гг. в России и Польше 91

Революция [1905 г.] в России 92
Эпохальные события 99
В заре революции 106
В революционный час: что дальше? 109
Русская революция 133
Речь о русской революции 137
Приветственная речь на V съезде РСДРП * 141
Содоклад об отношении к буржуазным партиям * 148
Заключительное слово * 157
Из писем друзьям 162

Раздел третий. Политическая борьба: теория и практика 171

Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха
Энгельса и Фердинанда Лассалья 172
Карл Маркс [1903] 201
Застой и прогресс в марксизме 208
Карл Маркс [1913] 213
Официозность теории 218
Два письма 235

Раздел четвертый. Против милитаризма, за гуманизм 237

Речь о милитаризме и мировой политике 238
Речь о революции и войне 239
Толстой как социальный мыслитель 241
Наследие Толстого 247
Введение к «Истории моего современника» Владимира
Короленко 252
Милитаризм — жизненный нерв государства 277
Из писем 1909—1917 гг. 279

---

* Переводы из других изданий.

Раздел пятый. Февраль и Октябрь 1917 г. в России 295

[Февральская] революция в России 296
Русские проблемы 298
Русская трагедия 301
Рукопись о русской революции * 306
Из писем 1917—1918 гг. 333

Раздел шестой. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии 337

Ахерон пришел в движение 338
Вокруг Исполнительного комитета 341
Чего хочет Союз Спартака? 344
Национальное собрание или правительство Советов? 352
Выборы в Национальное собрание 355
Наша программа и политическая ситуация 357
Порядок царит в Берлине 378
Из последних писем 382

Примечания 386

---

* Перевод Я. С. Дабкина.